

Кровь в жилах Су Яня почти застыла.

Он наконец понял.

Гу Ечэнь вовсе не помогал ему.

Он использовал его рану, чтобы свести счёты с теми, кто был ему неприятен. Су Янь превратился в клинок — в клинок, который Гу Ечэнь держал в руке и заносил над другими.

А у него, этого клинка, даже не было права сказать «нет».

Гу Ечэнь сбросил вызов и убрал телефон в карман.

Он опустил голову и встретился взглядом с испуганными, полными неверия глазами Су Яня.

Их взгляды пересеклись в тишине больничной палаты.

В одном читалось абсолютное стремление к контролю и обладанию.

В другом — абсолютное, погружающее в Бездну отчаяние.

Дверь палаты отворилась, прерывая это безмолвное противостояние.

Медсестра вкатила тележку с нержавеющей инструментами, за ней последовал врач. Оба опустили головы, не смея смотреть на двоих мужчин в комнате.

— Господин Гу, мы сейчас обработаем его рану и наложим гипс, — осторожно доложил врач.

Гу Ечэнь ничего не ответил, лишь отступил на шаг назад, увеличивая расстояние.

Это движение означало разрешение.

Медсестра шагнула вперёд, держа в руках ножницы. Она присела на корточки, и холодный металлический кончик коснулся штанины Су Яня.

Тело Су Яня вздрогнуло.

Не поднимая головы, медсестра принялась чик за чиком разрезать по шву его старые, измазанные грязью джинсы.

Ткань разошлась, полностью обнажая его травмированную левую ногу. Опухшая лодыжка приобрела безобразный сине-фиолетовый оттенок, резко контрастирующий с бледной кожей голени.

Его достоинство, подобно этим штанам, было легко разрезано и выставлено напоказ перед чужими людьми.

Врач принялся ватными тампонами с антисептиком очищать мелкие ссадины вокруг лодыжки. Резкий запах йодоната и леденящее прикосновение заставили мышцы Су Яня невольно судорожно сжаться.

Он стиснул зубы и не издал ни звука.

Гу Ечэнь наблюдал за всем этим неподалёку. Его взгляд был спокоен: он напоминал скульптора, любующегося тем, как обрабатывают и шлифуют грубый камень.

Затем настал черёд гипса.

Пропитанные тёплой водой гипсовые бинты виток за витком оплетали его лодыжку и голень. Влажные, тяжёлые бинты давали ощущение тёплого кокона. Они плотно прилегали к коже, фиксируя кости и одновременно сковывая его самого.

По мере испарения влаги гипс начал твердеть и холодеть.

Этот вес сделался осязаемым и реальным.

Словно тяжёлые белые кандалы, навечно прикованные к его телу.

От лодыжки до голени часть его плоти насильственно придавали совсем другой вид по воле, чуждой ему самому.

Закончив все процедуры и собрав инструменты, врач и медсестра поклонились и вышли.

В комнате снова остались только они двое.

Су Янь лежал на больничной койке, его левая нога была приподнята на подставке, а белый гипс резал глаза в мягком свете лампы.

Он не мог пошевелиться.

Став узником в самом прямом смысле этого слова.

Гу Ечэнь придвинул стул и сел у больничной койки. Он устроился так близко, что его колени почти касались края матраса.

Это расстояние дышало агрессией.

Су Янь отвернулся к окну, глядя на ночной пейзаж. Он пытался с помощью молчания выстроить последнюю линию обороны.

Через мгновение в дверь палаты снова постучали.

Вошел помощник Гу Ечэня с супницей в руках. Он поставил её на тумбочку и открыл крышку.

Это была не больничная еда.

Изысканные, испускающие пар блюда: паровая рыба-окунь, ярко-зелёная спаржа и пиала наваристого куриного супа, который, судя по всему, томился очень долго.

По палате разнёсся аппетитный аромат.

Желудок Су Яня судорожно сжался от этого запаха. Он уже очень давно не ел нормальной еды.

— Ешь, — раздался голос Гу Ечэня.

Су Янь не шевельнулся и не повернул голову.

— Не хочу, — бросил он в сторону окна.

Сзади не последовало ответа.

Спустя пару секунд он почувствовал, как матрас слегка прогнулся. Гу Ечэнь сел на край его кровати.

Чья-то рука протянулась вперёд,хватила его за подбородок и заставила повернуться.

Сила у Гу Ечэня была немалой, челюсть Су Яня пронзила тупая боль. Он был вынужден встретиться взглядом с этими глазами, замершими в опасной близости.

— Я не намерен повторять дважды, — произнёс Гу Ечэнь.

Его вторая рука взяла пиалу с супом, зачерпнула ложку и поднесла к губам Су Яня.

Тёплый край ложки коснулся его холодных губ.

Су Янь крепко сжал рот, мышцы челюсти напряглись в сопротивлении.

Жар от супа обжигал его лицо.

Гу Ечэнь проявил редкое терпение. Он просто замер в этом положении, не продвигаясь вперёд, но и не отступая.

Это было состязание воли.

Но Су Янь знал, что он заранее обречен на поражение.

Его тело вопило от голода, лодыжка ныла, а мужчина перед ним обладал бесконечным временем и неограниченной властью.

Спустя несколько мгновений он сдался.

Он разжал стиснутые зубы и слегка приоткрыл рот.

Тёплая жидкость скользнула в горло. Суп оказался невероятно наваристым, но Су Янь не чувствовал никакого вкуса. Словно принимая горькое лекарство, он механически проглатывал ложку за ложкой.

Гу Ечэнь отпустил его подбородок.

Он продолжал методично кормить его с ложечки. Су Янь молча глотал пищу.

Это было уже не утоление голода — это было приручение.

Когда суп в пиале закончился, Гу Ечэнь не стал продолжать. Он поставил посуду обратно на тумбочку и вытер пальцы салфеткой.

— В ту съемную квартиру ты больше не вернешься, — обронил он так, будто объявлял о какой-то незначительной мелочи.

Сердце Су Яня резко ухнуло вниз.

То место было единственным, что он мог назвать домом. Эта ветхая, тесная комнатуха служила его последним убежищем.

— Почему? — спросил он.

— Такое место не годится для восстановления после травм, — Гу Ечэнь поднялся на ноги и посмотрел на него сверху вниз. — И не подходит для того, чтобы там жил «мой человек».

Слова «мой человек» раскалённым клеймом обжгли нервы Су Яня.

Он смотрел на Гу Ечэня: этот мужчина собственными методами вырывал его с корнем из привычного мира и пересаживал в роскошную клетку, созданную своими руками.

Телефон Гу Ечэня вибрировал.

Достав аппарат, он бросил на экран взгляд и повернул телефон к Су Яню.

Заголовок новостного пуш-уведомления гласил:

Режиссёр группы «Огненные ночи» Ли Чэнъянь подвергся совместному бойкоту индустрии из-за скандала с нарушением техники безопасности.

Ниже шла приписка мелким шрифтом: По имеющейся информации, стоящие за ним инвесторы полностью отзывали финансирование.

Зрачки Су Яня резко сузились.

И сколько времени прошло?! Режиссёр, который на съёмочной площадке позволял себе безнаказанно оскорблять кого угодно, был уничтожен вот так запросто.

Гу Ечэнь убрал телефон.

— Я уже говорил: мне не нравится, когда моё имущество портят, — равнодушно произнёс он, глядя на смертельно бледное лицо Су Яня. — Неважно, идёт ли речь о самой вещи или о причине, по которой она пострадала.

С этими словами он позвал помощника.

— Оформляйте выписку. Едем в Цзинтин.

Су Янь больше не произнёс ни слова.

Его усадили в инвалидное кресло и вывезли из палаты. Тело онемело, а в голове царила абсолютная пустота.

Его увезли из больницы и усадили в чёрный минивэн.

Машина мчалась сквозь мерцающий ночной пейзаж процветающего мегаполиса. Глядя на мелькающие за окном неоновые огни, Су Янь чувствовал себя душой, которую насильно похитили из тела.

Наконец автомобиль нырнул в прохладу строго охраняемого подземного паркинга.

Лифт поднял их из гаража прямо на верхний этаж.

Створки лифта раздвинулись.

Перед Су Янем открылся не коридор, а огромная, просторная гостиная. Целая стена была выполнена из панорамного стекла, за которым сиял ночной город — казалось, будто стоишь на самом краю звёздного неба.

В комнате не горел свет, лишь огни мегаполиса проникали внутрь, очерчивая дорогие полы и силуэты лаконичной мебели.

Здесь было слишком просторно и слишком тихо — настолько тихо, что он слышал стук собственного сердца.

Гу Ечэнь катил инвалидное кресло, завозя его вглубь апартаментов.

Двери лифта за их спинами бесшумно закрылись.

Окончательно отрезав его от всего привычного мира.

<http://bllate.org/book/21842/2264540>